

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

В.Е. Горшкова,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения. Иркутский государственный университет, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

Е.В. Павлова,

аспирант кафедры перевода и переводоведения. Иркутский государственный университет; e-mail: pavlova.eka10@yandex.ru

АНТИНОМИИ ПЕРЕВОДА

(на материале имён собственных)

Статья посвящена исследованию философского понятия антиномии в приложении к переводоведению. Краткий экскурс в историю вопроса сопровождается анализом ряда антиномий, наиболее значимых для перевода имён собственных. К таковым относятся антиномия тождества и вариативности, антиномия закреплённости и произвольности, антиномия фонетических систем исходного и переводящего языков, антиномия внешней формы и внутреннего значения. При анализе последней разводятся антиномии внешней формы и внутреннего значения «говорящих» имён собственных и имён незначущих. Исследование проведено на материале четырёх переводов произведения Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и фило-софский камень» с английского языка на русский.

Key words: философия, антиномия, противоречие, перевод имён собственных.

В 2018 году журналу «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» исполняется 10 лет. Сравнительно небольшой срок, если рассуждать в терминах вечности. Срок весьма почтенный в наше стремительно изменяющееся время, когда чуть ли не каждый день привносит свои сюрпризы, приятные и не очень, в политическую, экономическую и образовательную жизнь нашей страны и окружающего мира в целом, не оставляя в стороне и жизнь научную. Радует, что прошедшие 10 лет позволили журналу «прочно встать на ноги», заявить о себе в мире переводческом, стать трибуной обсуждения новейших научных изысканий, как собственно переводоведческих, так и лингводидактических, что и составляет, в принципе, его основное предназначение. И все эти изыскания можно объединить под флагом единой исследовательской парадигмы, а именно парадигмы системной трансдисциплинарности, выдвинутой и обоснованной бессменным главным редактором журнала Н.К. Гарбовским [Гарбовский, 2015], в русле

которой и выполнено исследование, предлагаемое вниманию многоуважаемого Читателя.

В числе сопряжённых с переводоведением научных дисциплин, обсуждающихся на страницах журнала, достойное место принадлежит «квинтэссенции», вершине, главному стержню любой культуры – философии (от греч *phileo* – люблю, *sophia* – мудрость), науке «вечной», как мир, особой форме познания, вырабатывающей систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, стремящейся рациональными средствами создать предельно обобщённую картину мира и места человека в нем (<http://insai.ru/slovar/filosofiya-8>) [Мишкурлов 2015, 2014а, 2014б и др.; Горшкова, 2015, 2016]. Анализ перевода и переводоведения в терминах философии даёт возможность выйти за рамки традиционных, ставших в некоторой степени привычными представлений о предмете исследования, взглянуть на последний под иным углом зрения, что позволяет подвести более прочную теоретическую базу в подтверждение универсального характера ряда операций, осуществляемых переводчиком.

Именно к таким терминам/понятиям мы относим антиномию.

Термин «антиномия» впервые был истолкован и включён в философский терминологический словарь Р. Гоклениуса в XVII веке («*Lexicon philosophicum, quo tanquam clave philisophiae fores aperit*», 1613 г.). Тогда же получают терминологически оформленное разграничение два близких, но неравнозначных понятия – антиномия и апория, представляющие собой, с одной стороны, разницу между логическим противоречием двух теоретических обоснований, с другой стороны, логическое противоречие между теоретическим обоснованием и эмпирическим фактом. Так, апория утверждает теоретическое положение, которое явно противоречит опыту, а антиномия утверждает и обосновывает два несовместимых теоретических тезиса, противоречащих друг другу. Апория называет логически безупречное высказывание, которое не существует в реальном мире. Антиномия называет два логических противопоставления, отрицающих друг друга. Исходя из этих рассуждений, антиномия определяется как «рассуждение, доказывающее, что два высказывания, являющиеся отрицанием друг друга, вытекают одно из другого» [Ивин, 1997: 194].

Многовековая история развития особого вида мышления, основанного на противоречиях, прошла долгий путь от формулирования первых антиномий в Древней Греции и применения их в логике и философии, до становления на их основе самостоятельных

философских концепций И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. В рамках такого подхода явления и понятия окружающего мира исследуются исходя из внутренней сложности, многоаспектности путём сопоставления противоречащих друг другу, но равно обоснованных высказываний. Через призму антиномий можно рассмотреть как любое утверждение, гипотезу, факт, так и явление науки, культуры, природы. Сочетание взаимно противоречащих суждений об объекте в теоретических дисциплинах приобрело значение универсального метода для описания последнего, раскрытия его сущности через противопоставление полярных точек зрения. Именно поэтому антиномии, их нахождение и разрешение, являются важным стимулом развития наук.

Вышеизложенное объясняет наш интерес к применению идей противоречия и его осмыслению в гуманитарной мысли, ставшей основой для целого ряда наук, в том числе лингвистики и переводоведения.

Многоаспектность подходов к изучению рассматриваемого нами понятия позволяет констатировать в качестве общего признание исключительной роли антиномий в развитии языка, обогащении методов и способов его изучения и открытия новых областей познания. Объединяя противоречащие друг другу языковые явления и разводя, казалось бы, неразделимые понятия, антиномии обеспечивают выживаемость языка и приспособляемость к меняющимся обстоятельствам. Не случайно, ещё в начале прошлого века философ и филолог П. Флоренский определил место антиномии в области лингвистических изысканий: «Антиномия языка или, скорее, созвездие этих антиномий, путеводит языкознание не со вчерашнего дня: уже платоновским «Кратилом» один из побегов её, именно противоречивое сопряжение понятий природы и культуры в вопросе о начале языка, установлено было с полной ясностью» [Флоренский, 1990: 212].

В современной лингвистике, обогатившей переводоведение своими концепциями и обширным исследовательским материалом, описанные ранее противоречия [Грузберг, 2016; Ивин, 2008; Крысин, 2004; Соссюр, 2007; Флоренский, 1990 и др.] дополняются новыми языковыми антиномиями и подходами к их разрешению [Крылова, 2014: 4–8]:

– «*Антиномия статика – динамика*» – противоречие между языком как фундаментальным явлением и его изменчивостью, важнейшим свойством приспособления.

– «*Антиномия устная – письменная речь*» – различие в использовании структур языка, в воздействии на рецептора и в характере восприятия речи рецептором.

– «*Антиномия парадигматика – синтагматика*» – соотношение в языке ассоциативных и сочетаемостных отношений.

– «*Антиномия интеграция – дифференциация языков*» – одновременно протекающие в языке процессы взаимодействия и последующего слияния и членения языков на диалекты.

– «*Антиномия план содержания и план выражения языкового знака*» – противоречие между внутренней и внешней формой языкового знака, его формой и смыслом, общей симметрией структуры языка и асимметрией его частей, обеспечивающей «одно из важнейших условий гибкости, пластичности и живучести...» [Тираспольский, 2011: 268].

– «*Антиномия социальное – индивидуальное в языке*» – описание различий общественных и индивидуальных факторов развития языка.

– «*Антиномия внешние – внутренние законы развития языка*» – сравнение исторических предпосылок изменения языка, его развития.

– «*Антиномия диалог – монолог*» – формы устной речи сравниваются и противопоставляются по количеству субъектов.

– «*Антиномия слушающий – говорящий*» – сравнение субъектов речи.

– «*Антиномия единство – многообразие*» – исследование теории языка в вопросах сходства и многообразия языков.

Как видим, особенностью антиномий в лингвистике является их множественность, определяемая выраженной внутренней и внешней противоречивостью языковых явлений. Лингвистика является ареной борьбы многочисленных противоположностей в рамках системного единства – язык и речь, язык и мышление, форма и содержание знака, слушающий и говорящий и т.д. Означенные противоположности обеспечивают функционирование древнейшего философского закона и способствуют развитию новых областей языкознания. Сравните:

– «эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они – постоянный стимул внутреннего развития языка» [Панов, 2007: 17];

– «исторически изменчивая система языка подчинена основному закону диалектики – закону единства и борьбы противоположностей. В языке указанный закон получает качественно своеобразное воплощение – в виде так называемых антиномий» [Крысин, 2004: 21].

Переводоведение также не обходит вниманием такой важный аспект проявления упомянутого Л.П. Крысиным закона диалектики, как наличие тенденций, «непосредственно друг с другом несовместимых». Переводоведы единодушны в плане признания сложности и противоречивости переводческой деятельности, что подтверждает диалектический характер перевода. Сама сущность переводческой деятельности заключается в столкновении разных по природе объектов – исходного и переводящего языков, национального и интернационального в переводе, семантики и прагматики перевода, информационного и художественного текстов, буквального и вольного перевода, эквивалентности и адекватности, и многих других. Диалектика перевода, следуя общефилософским законам, познает научные явления и объекты с помощью нахождения внутренних противоречий и познания на их основе сущности науки, что свидетельствует о важности использования общенаучной философской базы и диалектики «как формы и способа теоретического осмысления феноменов перевода» [Gorshkova, 2016: 529, 533].

Парадоксально, но при этом практическое разрешение антиномий вряд ли возможно, учитывая тот факт, что суть диалектического метода познания наук состоит в бесконечной борьбе противоположных утверждений, постоянных изменениях изучаемых объектов, явлений и закономерном появлении новых противоречий. Особый характер метода познания с помощью противоречий обуславливает признание последнего важнейшим условием развития любой науки, обеспечивающим непрерывное познание и движение вперёд. В случае антиномий, наличия двух обоснованных доказательств одного утверждения, противоречащих друг другу, можно было бы полагаться на правило «золотой середины» – истины, находящейся на равном удалении от двух противоположных объектов. Но практика опровергает это предположение: «Говорят, что посередине между противоположными мнениями лежит истина, никоим образом! Между ними лежит проблема» [Гёте, 1957: 411].

Соответственно, под языковыми антиномиями в рамках данного исследования мы будем понимать основные закономерности и предпосылки развития языка в целом как сложной знаковой системы, имеющей ограниченный набор средств и способов описа-

ния и неограниченное количество подлежащих такому описанию объектов действительности. Означенные антиномии становятся стимулом непрерывного развития языка как отражение индивидуальных предпочтений членов языкового коллектива при выборе последними средств коммуникации. Именно к такому виду деятельности, связанному с дифференциацией и постоянным выбором языковых средств, относится перевод.

Двуязычный характер коммуникации при переводе обуславливает возможность выделения, наряду с внутриязыковыми, и межъязыковых антиномий. В российском переводоведении эта группа межъязыковых антиномий рассматривается в ряду возникающих в процессе перевода расхождений, сгруппированных в рамках факторов «лингвоэтнического барьера». Л.К. Латышев и А.Л. Семенов относят к этому понятию «всё то, что не позволяет носителю переводящего языка непосредственно воспринимать текст на исходном языке и реагировать на него так же, как если бы он был носителем исходного языка» [Латышев, 2003: 104]. К таковым относятся:

– «*Расхождение двух языковых систем – исходного языка и переводящего языка*» – заключается в констатируемом авторами системном расхождении языков, несовпадении лексических единиц, норм их сочетания.

– «*Расхождение языковых норм исходного и переводящего языка*» – состоит в несовпадении норм исследуемых языков, применяемых форм выражения, находящихся в постоянном изменении и приспособлении к новым языковым привычкам носителей языков.

– «*Расхождение речевых норм (узусов) исходного и переводящего языков*» – заключается в несовпадении и постоянном изменении речевых привычек носителей двух языков.

– «*Расхождение преинформационных запасов носителей исходного языка и носителей переводящего языка*» – состоит в противоречии, формируемом разным по объёму, составу информационным запасом носителей сопоставляемых языков, несовпадении экстралингвистических знаний – знаний о культуре, истории, обществе, оценки одних и тех же явлений носителями исходного языка и переводящего языка [Латышев, 2003: 105–107].

Важным для переводоведческого исследования представляется описание шагов, направленных на преодоление лингвоэтнических барьеров и противоречий, позволяющих повысить эффективность межъязыкового общения в процессе перевода.

Антиномии обнаруживаются не только в процессе перевода, но также на стадии подготовки будущих переводчиков, демонстри-

руя, тем самым, «некие внутренние противоречия» (т.е. антиномии. — *В.Г., Е.П.*) [Цвиллинг, 2009: 201] переводческой дидактики, например, такие как полное понимание иноязычного текста и эквивалентная передача всех его элементов «при заведомо недостаточном объёме языковых знаний» лиц, обучаемых переводу. По мнению М.Я. Цвиллинга, «развитие практических умений и навыков с работой над усвоением основных теоретических закономерностей» проявляются на всех этапах обучения переводчиков. К результату антиномичного осмысления процесса обучения переводу относится также сложившийся стереотип о том, что «единственным достаточным условием для выполнения переводческих действий является двуязычие» [там же: 201–207].

Как показывает анализ литературы, в переводоведении сформулирован целый ряд антиномий перевода при значительно меньшем количестве описанных вариантов их разрешения. По свидетельству А.Н. Крюкова, «теоретики перевода считают свою научную задачу выполненной, как только им удаётся сформулировать альтернативные требования к переводу. Явно или неявно предполагается, что в самом существовании антиномий и заключена сущность перевода» [Крюков, 1996: 101]. Соответственно, формулирование антиномии само по себе уже является отправной точкой, своеобразным импульсом познания нового или непонятого, но обращение к теоретическому или практическому их разрешению крайне необходимо в процессе выполнения важнейшей задачи теории перевода, заключающейся в раскрытии «всей сложности и противоречивости переводческой деятельности» [Швейцер, 1984: 512].

В попытках выделить главную или основную антиномию перевода мнения авторов в значительной степени расходятся. Безусловно, существуют антиномии, не только раскрывающие суть перевода, но и означающие неразрешимые переводческие проблемы. К ним можно отнести классическое противостояние между буквальным и вольным переводом, эквивалентностью и адекватностью и другие классические противоречия. «Переводчик вынужден всё время лавировать между Сциллой буквализма и Харибдой вольного перевода, стараясь найти между ними тот узкий, но достаточно глубокий проход, идя которым, он сможет прийти к желанной цели — максимально эквивалентному переводу» [Бархударов, 2014: 233]. Вслед за Л.С. Бархударовым и Т. Сэйвори (см. перечень его ставших классическими антиномий [Салимова, 2012: 79]), к аналогичному утверждению приходит А.Д. Швейцер: «Одним из важнейших парадоксов является совмещение тенденции к предельной точности

и тенденции к воспроизведению смысла подлинника» [Швейцер, 1988: 21].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что при проведении любого исследования в русле антиномичного подхода целью последнего является не нахождение однозначно правильного решения любой антиномии, а всестороннее изучение, получение более глубоких знаний об объекте в свете антиномий. В утверждении и обосновании двух противоположных точек зрения относительно одного явления/объекта проявляются дополнительные характеристики исследуемого объекта, обогащение и дополнение знаний о таковом. Покажем это на примере переводческой ономастики.

В переводоведческих трудах достаточно широко освещены вопросы классификации имён собственных, способов их передачи/воссоздания на переводящем языке. При этом, немногие исследователи обращают внимание на философскую основу противоречивости перевода имён собственных. Исключение составляют работы Д.И. Ермоловича [Ермолович, 2005, 2013], выделяющего противоречия и несоответствия «внутри- и межсистемного характера, специфичные с точки зрения переводческой ономастики» [Ермолович, 2005: 95–111].

Материалом для анализа антиномий перевода в настоящем исследовании служат имена собственные из произведения Джоан Роулинг “Harry Potter and the philosopher’s stone” («Гарри Поттер и философский камень») (1997 г.) и его переводов с английского языка на русский. В качестве иллюстрации неоднозначных решений отдельных переводческих проблем используются переводы И. Оранского в обработке М. Литвиновой (2001 г.) **(1)** и М. Спивак (2016 г.) **(2)**. Учитывая наличие нескольких вариантов перевода и обширный корпус примеров, мы посчитали целесообразным обращаться также к электронному переводу Ю. Мачкасова (2001) **(3)** и неавторизованному переводу группы переводчиков Potter’s Army, называемому также «народным переводом» и опубликованному на интернет-сайте группы в 2011 г. **(4)**.

Неослабевающий интерес исследователей к переводу имён собственных, в целом [Гарбовский, 2007; Горшкова, 2012, 2014; Ермолович, 2005, 2013; Костикова, 2009; Матюшин, 2015; Shchurik, 2017] и к означенному произведению в частности, как в плане перевода собственно антропонимов [Лукин, 2016; Мосеева, 2014; Rowlingová, 2000], так и в плане перевода авторских неологизмов, включающих имена собственные [Левченко, 2015], объясняется тем фактом, что помимо традиционных, или не значащих на первый

взгляд имён, в книге представлено множество имён говорящих, имён, содержащих оценку персонажа и используемых автором для характеристики последнего.

Анализ корпуса примеров из произведения Джоан Роулинг “Harry Potter and the philosopher’s stone” («Гарри Поттер и философский камень») с опорой на исследования Д.И. Ермоловича, упомянутые выше антиномии перевода Т. Сэйвори, межъязыковые антиномии и факторы лингвоэтнического барьера по Л.К. Латышеву и А.Л. Семёнову, позволяет выделить следующие антиномии:

- антиномия закреплённости имени собственного и его произвольности как языкового знака;
- антиномия фонетических систем исходного и переводящего языков;
- антиномия орфографических систем исходного и переводящего языков;
- антиномия эвфонических норм исходного и переводящего языков;
- антиномия тождества и вариативности имени собственного;
- антиномия грамматических систем исходного и принимающего языков;
- антиномия внешней формы и внутреннего значения *говорящих имён* собственных vs антиномия внешней формы и внутреннего значения *имён незначащих*.

Поскольку объём статьи не позволяет привести подробное описание всех антиномий перевода имён собственных, выявленных в материале исследования, покажем наиболее значимые из них.

Антиномия тождества и вариативности имени собственного

Противоречие между тождеством, или равенством и различием, или вариативностью представляет собой базовую антиномию бытия, проявляющуюся в диалектическом их единстве. Языковой знак как объект лингвистического исследования и как объект перевода подчинён указанному противоречию, поскольку «весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причём эти последние являются лишь оборотной стороной первых» [Соссюр, 2007: 141].

Суть перевода состоит в стремлении к тождеству языкового знака в новой среде. Тождеством с лингвистической точки зрения принято называть «соответствие звуков, морфем и словосочетаний, имеющих общее происхождение» [Жеребило, 2010: 301]. В переводе

абсолютное тождество недостижимо, оно может не представлять материальное соответствие языковых знаков, что позволяет нам говорить о возможности вариативности знака – «способности иметь, приобретать второстепенные изменения при сохранении инвариантной основы» [там же: 49].

Тождество как производная черта «закреплённости» (см. ниже) при передаче имени собственного сталкивается с ограничением в языке перевода в виде языковой вариативности. Будучи лингвистической по своей природе, вариативность языковых единиц характеризуется способностью передавать в языке одинаковые значения разными формами. Очевидно, при взаимодействии двух языков такие формы не совпадают, что приводит к противоречию перевода исходному имени собственному, и, следовательно, к противоречию его тождества и вариативности. Таковы чешские Грета Гарбова и Марлена Дитрихова [Влахов, 2012: 209], соответствие женских фамилий на -ska мужским фамилиям на -ski в польском языке (Kowalski – Kowalska), различия в окончаниях фамилий в зависимости от пола и статуса в литовском языке (Карнаускас – Карнаускене) [Ермолович, 2005: 101–102]. Очевидно, что при переходе имени собственного из одной фонологической или грамматической системы в другую последнее может менять не только звучание, но и морфологическую основу. Так, имя *Hermione Granger* [Rowling, 1997: 72], в переводе которого на русский язык использована транскрибированная основа – *Гермиона Грейнджер*, в переводе на чешский язык представляет собой изменённую основу фамилии – *Hermiona Grangerová* [Rowlingová, 2000: 43] (или *Грейнджерова* в нашем переводе на русский. – *Е.П.*). Имя преподавателя школы волшебников *Bathilda Bagshot* [Rowling, 1997: 41] приобретает в чешском языке форму *Batylda Bagshotová* [Rowlingová, 2000: 28] (или *Бэгшотова* на русском. – *Е.П.*).

Первой разновидностью рассматриваемой антиномии является способность антропонимов образовывать сокращённые и уменьшительные формы, сохраняющие связь и единство с именем, но отличающиеся частичным изменением звукового образа. Рассмотрим пример образования производных форм английского имени *Ronald* – *Рональд*:

(1) *Aaah, has ickle Ronnie got something on his nosie? – said one of the twins. – It's not funny. And look after Ron. – Don't worry, ickle Ronniekins is safe with us* [Rowling, 1997: 73–74].

– *Ой-ой-ой, у маленького Ронни грязенький носик, – насмешливо пропел один из близнецов. – Это не смешно, – отрезала мать. –*

И приглядывайте за Ронном. — Не бойся, мы не дадим крошечку Ронни в обиду... [Роулинг, 2001: 51–52]. (1)

При передаче иностранных имён переводчик использует приёмы, подтвердившие свою релевантность в переводческой практике. В данном примере две производные от **Рональд** формы **Рон** и **Ронни** переведены посредством транскрипции, но для третьего деривата **Ronniekins** последняя неприемлема, ввиду несовпадения словообразовательных механизмов исходного и переводящего языков. Соответственно, перевод осуществляется с применением комплекса лингвистических средств.

По нашему мнению, такое противоречие может считаться разновидностью общей антиномии тождества и вариативности имени собственного или же может быть выделено в отдельную антиномию, если речь идёт о вариативности имён собственных, организованных по разным правилам в языках оригинала и перевода.

Рассматриваемые противоречия не только демонстрируют несоответствия между словообразовательными схемами исходного и принимающего языков, но и являются источником несовпадений при переводе имён собственных с английского языка на русский. Приведённый выше пример может быть также отнесён к межъязыковому противоречию, вызываемому несоответствием среды происхождения имени собственного и среды его функционирования, что также можно выделить в отдельную антиномию. Таким образом, подводя итог обобщённой нами антиномии тождества и вариативности имени собственного, мы можем выделить несколько противоречий, вытекающих из её основы, среди которых и несоответствие национальной принадлежности имени собственного и среды его применения, и несоответствие словообразовательных форм имён в исследуемых языках.

Антиномия закреплённости имени собственного и его произвольности как языкового знака

Первым несоответствием в объяснении сущности имени собственного как языкового знака, вытекающим из его семиотических свойств или принципов (по Ф. Соссюру), является явное противоречие между свойствами произвольности и закреплённости имени собственного как языкового знака. Соссюр отрицает случайный выбор языкового знака для обозначения материальных объектов, утверждая отсутствие зависимости между языковым знаком и характеристиками обозначаемого им объекта: «слово произвольный <...> не должно пониматься в том смысле, что означа-

ющее может свободно выбираться говорящим; мы хотим лишь сказать, что означающее немотивированно, т.е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [Соссюр, 2007: 71]. Принимая во внимание количество объектов, учитывающих свойство произвольности и относительно меньшее число знаков, учитывающих противоположный принцип мотивированности, можно утверждать, что принцип произвольности языкового знака «подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы» [там же: 101].

Какие особенности употребления языкового знака следуют из присущего ему свойства произвольности? С точки зрения науки о переводе обращает на себя внимание «возможность именовать одного и того же референта разными знаками одновременно» [Ермолович, 2005: 96]. Наличие разных языков, языковых коллективов и, следовательно, условий коммуникации, подчёркивает и многократно доказывает принцип произвольности языкового знака, обретающего новое звучание и письменное отображение в каждом языке.

Несмотря на отсутствие единого мнения учёных относительно статуса имени собственного в лингвистике и переводе, можно однозначно относить его к объектам языкознания, «номинативным, а не коммуникативным единицам языка», входящим в класс конкретных существительных, имеющих «номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую» функции [Уракова, 2014: 2]. Особый лингвистический статус, специфика имени собственного делают его исключением из правил, обязательных для других языковых знаков. Рассматриваемая нами антиномия характеризует ту особенность имён собственных, которая проявляется, когда последние присваиваются объекту – индивиду, получают юридическое оформление и «как бы возводятся на уровень его “свойства” или “собственности”» [Ермолович, 2005: 96]. Формальный, подтверждённый законом статус имени собственного, закрепляющий за ним объект, вступает в противоречие с принципом произвольности. Вспомним в этой связи высказывание русского философа и богослова С.Н. Булгакова: «всякое именование есть суждение; иначе говоря, всякое имя имеет смысл <...> ...имя есть сила, семя, энергия», а также «...общественно не существует тот, у кого нет имени» (цит. по [Горшкова, 2012: 9]).

В условиях межъязыковой коммуникации, в переводческой практике, противоречие между произвольностью и закреплённостью

имени собственного неизбежно проявляется в виде переводческой трудности, решаемой разными, не унифицированными способами. С одной стороны, «провозглашается право каждого языкового сообщества на использование и сохранение своей системы имён собственных» [Ермолович, 2005: 97], с другой стороны, каждый языковой коллектив имеет право на собственные правила и регуляторы в области ономастики, в том числе при заимствовании из другого языка.

Транскрипция и транслитерация, служащие основными инструментами формирования звукового и письменного образа имени собственного, в новой языковой среде становятся источником неизбежного противоречия исходного и воссозданного на другом языке образа имени собственного. Рассмотрим такое противоречие на примере имени собственного, которое, помимо характеристики антиномии закреплённости и произвольности имени собственного, является иллюстрацией целого ряда фонетических и орфографических межъязыковых несоответствий:

(2) *I've learnt all our set books off by heart, of course, I just hope it will be enough – I'm **Hermione** Granger, by the way, who are you?* [Rowling, 1997: 83].

*И конечно, я уже выучила наизусть все наши учебники – надеюсь, что этого будет достаточно для того, чтобы учиться лучше всех. Да, кстати, меня зовут **Гермиона** Грэйнджер, а вас?* [Роулинг, 2001: 57]. (1)

Имя собственное, обладающее свойством закреплённости за именуемым объектом, в языке оригинала звучит как *Hermione* [hɜːˈmaɪəni], что позволяет передать его на русском языке набором схожих, но не идентичных звуков – *Гермиона* – в силу фонетического расхождения английского и русского языка. Побуквенное соответствие, избранное переводчиком в качестве главного приёма передачи, нарушено в силу укоренившегося в русской традиции перевода принципа благозвучия, а также практики склонения существительных женского рода на *-а*.

Говорить о превалировании того или иного свойства в переводческой практике в плане закреплённости имени собственного или его произвольности как языкового знака не приходится, так как эти противоречивые принципы, тем не менее, находятся в диалектическом единстве, проявляя себя в разных межъязыковых ситуациях, учитывая такие факторы, как орфография и фонетика языков, национальный характер, традиция передачи, благозвучность имени собственного и т.д. Упомянутые факторы, в свою очередь, формируют антиномии перевода имён собственных, приводимые ниже.

Антиномия фонетических систем исходного и переводящего языков

Исходя из традиции, существующей в русской переводной литературе и окончательно сформировавшейся в XX в., звуковую форму иноязычного слова принято передавать максимально точно. Противоречие или антиномия возникает уже на стадии соотнесения языков славянской и германской группы, или ветви одной индоевропейской языковой семьи. И если с точки зрения языкознания констатация несоответствий в разных языках имеет теоретический характер, то в переводе все несовпадения представляют конкретную переводческую проблему, требующую нахождения конкретного решения и получения результата в виде конкретного текста перевода.

Известно, что «по отношению к иностранным именам собственным – будь то имена или фамилии реальных или вымышленных лиц, географические названия и т.п. – большую важность представляет вопрос о звуковом оформлении их при переводе и, соответственно, об их написании. Чем больше расхождений в фонетическом строе двух языков, в составе и системе их фонем – тем острее этот вопрос» [Фёдоров, 2002: 179]. Значительное расхождение фонетических систем русского и английского языков делает практически невозможной передачу исходной формы имени собственного, и, следовательно, «воспроизведение их фонетической стороны может быть только частичным и условным и обычно представляет известный компромисс между передачей звучания и написания» [там же].

Для частичного разрешения данной антиномии, создающей значительные трудности при формировании эквивалентов имён собственных на переводящем языке, задачей переводчика становится достижение «максимальной фонетической близости» путём нахождения компромисса для перенесения имени собственного в другую языковую среду с минимальными потерями [Влахов, 2012: 208].

Выбор такого приёма передачи имени собственного с английского на русский язык, как транскрипция, позволяет констатировать структурное несоответствие фонетических систем языка оригинала и языка перевода. В чём суть означенного несоответствия? Рассмотрим антиномию фонетических систем исходного и переводящего языков на примере имён собственных из произведения Дж. Роулинг:

(3) *Harry, said the other twin, did we introduce ourselves? Fred and George Weasley. And this is Ron, our brother. See you later, then* [Rowling, 1997: 74]. (3)

Гарри, мы так тебе и не представились. — Близнецы улыбались. — Фред и Джордж Уизли. А это наш брат Рон. Ещё увидимся [Роулинг, 2001: 53]. (1)

Как видим, в вышеприведённом примере переводчику максимально точно удаётся передать облик иноязычных имён, основываясь на принципе передачи звуков английского языка схожими звуками русского языка, причём варианты имён собственных на переводящем языке полностью совпадают в переводах всех четырёх авторов как максимально приближенные к звучанию оригинального имени. К факторам, обеспечившим оптимальный выбор в разных переводах, можно отнести и частотность употребления приведённых в качестве примера имён собственных в устной и письменной речи, и существующую традицию их передачи на языке перевода. В отличие от четырёх одинаковых вариантов перевода на русский язык, достичь полного совпадения оригинального английского имени и имени на русском языке в большинстве случаев не представляется возможным, учитывая, например, отсутствие звука [г] в фонетической системе переводящего языка.

Соответственно, примеры удачного совмещения фонологических языковых систем встречаются реже, чем примеры, характеризующие явное несоответствие последних. На практике, в отношении имён собственных, не имеющих эквивалента на языке перевода, возникает необходимость в комбинации нескольких приёмов/способов передачи, что порождает наличие разных вариантов, многократно подчёркивающих исследуемое несоответствие:

(4) *The Dursleys had small son called Dudley and in their opinion there was no finer boy anywhere* [Rowling, 1997: 7].

У мистера и миссис Дурсль был маленький сын по имени Дадли, и, по их мнению, он был самым чудесным ребёнком на свете [Роулинг, 2001: 4]. (1)

У Дурслеев был маленький сын по имени Дудли — по мнению родителей, на свет ещё не рождался ребёнок прекраснее [Роулинг, 2014: 4]. (2)

У четы Дурсли был маленький сыночек по имени Дадли и, по их мнению, лучшего ребёнка было просто не найти [Роулинг, 2001: 4]. (3)

У Дёрсли был маленький сын по имени Дадли, родители считали его самым чудесным ребёнком на свете [Роулинг, 2011: 6]. (4)

В приведённых выше примерах четырёх разных авторов антиномия перевода, демонстрирующая несоответствие/противоречие фонетических систем русского и английского языков, находит выражение в вариативности перевода одного фамильного имени *Dursley* — *Дурсль*, *Дурслей*, *Дурсли* и *Дёрсли*. Можно рассуждать о большей или меньшей фонетической близости указанных вариантов перевода и

оригинала, но каждый из них является выражением одного из традиционных и часто используемых приёмов передачи имени собственного – транскрипции, транслитерации или их комбинации. Такие противоречия в переводе неизбежны, они иллюстрируют структурное несоответствие фонетических систем английского и русского языков и приведённое выше утверждение об отсутствии однозначных, готовых решений на языке перевода. Особенно явно обсуждаемые несоответствия проявляются в случае перевода неизвестных имён собственных, не имеющих устоявшихся эквивалентов на языке перевода. Передача имён, встречающихся в переводах впервые или редко употребляющихся в литературе, неизбежно заканчивается появлением нескольких вариантов перевода одного и того же иноязычного имени. Количество таковых сокращается в процессе узнавания имени получателями перевода, упоминания его в разных источниках. Антиномичный подход в переводоведении проявляется в наличии переводческих оснований для каждого из выбранных вариантов, что подтверждает философскую истину о двух противоречащих высказываниях, имеющих равное логическое обоснование. Рассмотренные противоречия перевода имён собственных подводят нас к констатации следующей антиномии, тесно связанной с антиномией фонетических систем английского и русского языков.

Антиномия внешней формы и внутреннего значения имени собственного

Ключевая антиномия закреплённости и произвольности имени собственного как языкового знака, из которой вытекает большое количество производных антиномий, тесно связана также с антиномией внешней формы и внутреннего значения имени собственного, вызывающей споры и привлекающей особое внимание переводоведов. Внутренняя форма имени собственного определяется мотивированностью языкового знака. Мотивированность, обусловленность качествами или свойствами языкового знака, как известно, ограничивает его произвольность и в какой-то мере ставит таковую под сомнение. Но сравнительно малое количество звукоподражательных слов и их различия в отдельных языках свидетельствует об исключении, лишь подчёркивающим основное свойство произвольности знака. Тем не менее, с философской точки зрения, оба противоречивых свойства находятся в диалектическом единстве, что позволяет нам говорить о такой антиномии.

В отношении имени собственного как языкового знака действительны те же законы логики, философии и семиотики, что и в отношении других знаков. Отличительной особенностью, присущей именам собственным в большей степени, является их деление на имена собственные без внутренней формы, то есть немотивированные, и имена собственные с внутренней формой, то есть мотивированные. Означенное противоречие становится особенно актуальным, когда речь идёт о художественном произведении, где любое имя может стать источником ассоциаций, проводником идей автора и характеристикой того или иного персонажа. Внешняя форма имени, переданная по правилам принимающего языка в полном соответствии с принципом закреплённости имени как языкового знака, вступает в противоречие с его внутренним значением, утрачиваемым в процессе формальной передачи путём транскрипции или транслитерации, и наоборот.

Художественный текст — особая сфера перевода, требующая особого мастерства переводчика при передаче значимых, «говорящих» имён, с необходимостью сопровождающейся отступлением от строгих языковых законов. Процесс перевода таких имён собственных на иностранный язык усложняется очевидными информационными потерями, поскольку лексические единицы «обрастают различного рода ассоциациями как рационального, так и эмоционально-экспрессивного порядка, и в условиях словарного или грамматического соответствия могут не совпадать по своей ассоциативной мощности» [Денисова, 2011: 12]. В попытках разрешить рассматриваемую антиномию переводчик либо идёт по пути передачи формального образа имени собственного, не обладающего особым, характеризующим смыслом, либо передаёт внутреннюю форму имени, «если она является важным элементом художественной или содержательной структуры текста» [Иванов, 2006: 144].

В рассматриваемом нами тексте содержится целый ряд имён собственных, обязывающих переводчика делать выбор между тождеством имени, его соответствием формальному иноязычному облику и вариативностью формы в угоду внутреннему значению этого имени. Наличие нескольких вариантов перевода позволяет констатировать все противоречия в рамках раскрываемой антиномии внешней формы и внутреннего значения, которые возникают при переводе имён собственных.

Рассмотрим ряд примеров.

(5) *Their teacher, **Madam Hooch**, arrived. She had short, grey hair, and yellow eyes like a hawk* [Rowling, 1997: 109].

Наконец появилась преподавательница полётов, *мадам Трюк* [Роулинг, 2001: 193]. (1)

Вскоре подошла и учительница, мадам Хутч [Роулинг, 2001: 160]. (3)

Словарные значения лексемы *hoosh* варьируются от названия отдельных видов спиртных напитков до сленговых «выкрутасы» и «каверза» [Апресян, 2003: 218]. Вариант перевода (1) представляет интерпретацию иноязычного имени собственного, обилие вариантов которой зависит от богатства фантазии переводчика. В варианте (3) переводчик применил стандартный приём перевода – транскрипцию, максимально приблизив свой перевод к исходному звучанию имени. Такое переводческое решение лишило получателя перевода возможности раскрыть характеристику персонажа, заключённую в значении его имени.

(6) *Potter, this is Oliver Wood. Wood – I've found you a Seeker* [Rowling, 1997: 112].

– *Поттер, знакомьтесь – это Оливер Вуд. Вуд, я нашла вам ловца* [Роулинг, 2001: 200]. (1)

– *Поттер, это Оливер Древ. Древ – я нашла вам Ищейку* [Роулинг, 2014: 175]. (2)

Данный пример перевода показывает возможность обыгрывания или нейтрализации смыслового имени *Wood*, отсылающего к существительному «дерево» и прилагательному «деревянный» [Апресян, 2003: 856]. Как видим, оба варианта перевода являются иллюстрацией рассматриваемой антиномии внешней формы и внутреннего значения и подтверждают наличие двух полярных точек зрения на перевод одного имени, имеющих равноценное обоснование в теории перевода и право на существование в практике перевода. При этом в варианте перевода (2) учитывается внутренняя форма говорящего имени, находящая воплощение в переводе имени *Wood* как *Древ*.

(7) *Who's that teacher talking to Professor Quirrell? – he asked Percy* [Rowling, 1997: 94].

– *А кто это там разговаривает с профессором Квирреллом? – спросил он у Перси* [Роулинг, 2001: 165]. (1)

– *А что это за учитель, который разговаривает с профессором Белкой? – спросил Гарри у Перси* [Роулинг, 2014: 146]. (2)

Пример (7) демонстрирует свойство некоторых имён «подсказывать» вариант перевода. Дело в том, что фамилия профессора лишь созвучна, но не идентична нарицательному слову *squirrel* – белка [Апресян, 2003: 567]. Но интуиция переводчика (2) подсказывает, что описание и характеристика персонажа напоминают этого лесного зверька, что позволяет пожертвовать верным, но ли-

шённым описательных характеристик вариантом перевода. Вариант перевода (1) иллюстрирует резкое противопоставление в рамках означенной антиномии, реализующееся в точной передаче внешней формы имени собственного без учёта внутреннего содержания.

Проблема перевода на русский язык сконструированных имён, состоящих из нескольких слов (в нашем случае – «long» – «долгий, длинный» «bottom» – «низ, нижняя часть, зад» [Апресян, 2003: 54, 216]), находит отражение в следующем примере:

(8) *When Neville Longbottom, the boy who kept losing his toad, was called, he fell over on his way to the stool* [Rowling, 1997: 90].

Когда вызвали Невилла Долгонупса, того самого мальчика, который все время терял свою жабу, тот умудрился споткнуться и упасть, даже не дойдя до табурета [Роулинг, 2001: 157]. (1)

Когда вызвали Невилла Лонгботтома, мальчика, потерявшего жабу, он по дороге к табурету споткнулся и растянулся на полу [Роулинг, 2001: 99]. (3)

Вариант перевода (3) также демонстрирует различие подходов к переводу говорящих имён в рамках рассматриваемой антиномии. Следует отметить, что задача переводчика, выбирающего путь перевода, а не передачи имени, осложняется необходимостью сконструировать подобно оригиналу имя, состоящее не из одного, а из двух нарицательных слов. Противоречие между внутренним содержанием имени собственного и его внешней формой требует от переводчика проявления творческих способностей. Разновидностью рассматриваемой антиномии, по нашему мнению, можно считать несоответствие, являющееся логическим следствием рассмотренных выше противоречий, обращающее на себя внимание многих исследователей имени собственного в лингвистике и переводоведении.

Как отмечалось выше, в науке о переводе существуют полярные точки зрения на сущность и значимость имени собственного как предмета исследования. Исследователи, выдвигающие в качестве главной функции имени собственного функцию номинативную, отказывают последним в наличии значения, отрицают связь с обозначаемым понятием и, тем самым, отводят им второстепенную роль в переводе. Применение метода познания, основанного на противоречиях, позволяет нам выделять ряд противоположных утверждений. Дело в том, что в процессе перевода даже имена, не вызывающие прямых ассоциаций с понятием, а служащие для именованного субъекта, приводят к появлению множества несоответствий исходному имени. Многообразие приёмов передачи представляет собой не руководство к действию, а переводческую проблему, ре-

шаемую то в силу устоявшейся традиции, то в угоду новой переводческой моде, то в стремлении передачи смысла в ущерб форме имени собственного. Сказанное обуславливает отсутствие простого и быстрого способа перевода имени собственного с ИЯ на ПЯ.

В терминах науки о бытии мы имеем дело с антиномией формы и значения имени собственного, которую можем рассматривать не только на примере значащих и говорящих имён, функционирующих в художественном тексте, но и на примере незначащих имён, на первый взгляд не имеющих смысла и никак не связанных с означаемым. И если в отношении первой группы имён можно говорить об их частичной мотивированности, то в отношении второй группы принято говорить об отсутствии таковой.

Предположим, что любое имя собственное обладает значением, внутренней формой, поскольку в момент возникновения в конкретной языковой среде его «внутренняя форма была яркой и выпуклой, представляла собой полновесное значение, такое же, как и значение любого нарицательного имени, называющее предмет неживой природы, типа камень, дерево, и т.п.» [Иванов, 2006: 144]. Если по истечении времени при упоминании данного имени мы не дифференцируем его внутреннюю форму, то это происходит или по причине многократного повторения внешней формы, потерявшей связь с исходным значением имени, или по причине употребления имени собственного в иной языковой среде.

В подтверждение нашего предположения, что любое имя собственное в той или иной мере обладает значением, внутренней формой, рассмотрим «незначащие» личные имена исследуемого произведения.

Обратимся к имени алхимика-волшебника *Nicolas Flamel*, переведённого на русский язык как **Николас** Фламель. Имя Николас не вызывает у получателя перевода никаких ассоциаций, учитывая большое количество дериватов этого греческого имени во всех европейских языках. Это имя привычно, прецедентно и переводится автоматически. Электронная энциклопедия имён даёт следующую характеристику имени *Nikolas*: «From the Greek name Νικόλαος (*Nikolaos*) which meant “victory of the people” from Greek νίκη (*nike*) «victory» and λαός (*laos*) “people”» [— URL: <http://behindthenames.com/>]. Соответственно, в переводе с греческого имя Николас означает «победа народа».

Имя другого персонажа Дж. Роулинг, одного из братьев-близнецов, звучит как **Fred**, производное от английского имени **Frederick** — в переводе **Фредерик**. Значение имени раскрывается через обращение

ние к «English form of a Germanic name meaning “peaceful ruler”, derived from “frid” – “peace” and “ric” – “ruler, power” [там же]. Следовательно, переведённое на русский язык имя обладает скрытым значением «миротворец», «мирный правитель», что, как правило, в переводе эксплицитно не передаётся ввиду общепупотребительности имени.

Личное имя *Alicia* Spinnet, в переводе – *Алисия*, имеет следующее описание: «Latinized form of Alice. From the French form of the Germanic name Adalheidis, which was composed of the elements “adal” – “noble” and “heid” – “kind, sort, type”» [там же]. Как видим, общеизвестное имя скрывает тайну своего «благородного» происхождения.

Имя одной из учениц школы волшебников *Angelina* Johnson, в переводе *Анджеллина*, образовано «from the medieval Latin masculine name Angelus which was derived from the name of the heavenly creature (itself derived from the Greek word *αγγελος* (angelos) meaning “messenger”)» [там же]. То есть, внутренняя форма имени в переводе содержит значение «ангел», «посланник».

Проведённый анализ показывает, что даже в отношении обычных, не говорящих на первый взгляд имён, в большинстве из которых «внутренняя форма настолько «затёрта», что на неё никто не обращает внимания» [Иванов, 2006: 144], можно говорить о значении и внутренней форме. Актуальность и важность антиномии формы и значения имени собственного раскрывается в невозможности воспроизвести все характеристики смысла в переводе, делая выбор исключительно в пользу «оболочки», или формы имени. Перевод в свете означенной антиномии зависит от сферы актуализации имени, его функции в тексте или высказывании, смысловой нагрузки, что обуславливает выбор переводчика из набора имеющихся в его распоряжении приёмов/способов передачи имени собственного в зависимости от функций последнего.

Таким образом, использование антиномий при исследовании имени собственного в переводоведении позволяет говорить о наличии у имени собственного значения, характеризующих свойств, что отвергает представление о таковом как о знаке-метке, знаке-ярлыке, выполняющем исключительно номинативную функцию. Сформулированная нами антиномия внешней формы и внутреннего значения имени собственного, иллюстрирующая научное противоречие о наличии/отсутствия смысла у имён собственных и расхождение мнения учёных по этому вопросу, позволяет сделать вывод о целесообразности разграничения не только антиномии

внешней формы и внутреннего значения *говорящих имён собственных*, но и антиномии внешней формы и внутреннего значения *обычных, незначащих имён собственных*.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Новый большой англо-русский словарь М.: Русский язык, 2003. 970 с.
- Влахов С.И.* Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. 416 с.
- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода, 2015. № 1. С. 3–20.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Московский государственный университет, 2007. 544 с.
- Горшкова В.Е.* «Да будет имярек»: «Французский роман» Фредерика Бегбедера как вызов переводчику // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 3. С. 3–15.
- Горшкова В.Е. и др.* Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: колл. монография / под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с.
- Горшкова В.Е.* Эстетика аудиовизуального перевода Жана-Франсуа Корню в парадигме системной трансдисциплинарности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода, 2015. № 3. С. 22–37 (in Russian).
- Грузберг Л.А.* Антиномия // Интернет-журнал «Филолог»: Перм. гос. гум.-пед. ун-т. 2016. № 2. — URL: <http://philolog.pspu.ru> (дата обращения: 10.10.2016).
- Денисова Е.В.* Прецедентные фольклорные имена в английском и русском языках как проблема перевода: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2011, 219 с.
- Егорова С.Б.* Павел Флоренский об антиномиях языка // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та, 2006. Т. 4. № 1. С. 256–262.
- Ермолович Д.И.* Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи М.: Р. Валент, 2005. 416 с.
- Ермолович Д.И.* Словесная механика. Избранное о языке, переводе и культуре речи. М.: Р. Валент, 2013. 400 с.
- Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО Пилигрим, 2010, 486 с.
- Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика. СПб.: СПбГУ, 2006. 190 с.
- Ивин А.А.* Логика. М.: ООО «Изд-во Оникс», 2008. 336 с.
- Костикова О.И.* Смысл «незначащих» имён: проблемы перевода // Наука о переводе сегодня. Перевод и смысл: мат. межд. конф. / под ред. Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой. М.: МГУ, 2009. С. 141–145.
- Крылова М.Н.* Антиномии как движущая сила языка // Филология и литературоведение. 2014. № 3. — URL: <http://philology.snauka.ru/2014/03/710> (дата обращения: 11.11.2016).
- Крысин Л.П.* Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

- Крюков А.Н.* Антиномии в теории перевода и их разрешение // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. Вып. 426. С. 100–111.
- Латышев Л.К., Семёнов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: ACADEMIA, 2003. 192 с.
- Левченко М.Н., Скрьльщик А.В.* Особенности перевода авторских неологизмов произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика, 2015. № 2. С. 65–72.
- Лукин Д.С.* Особенности преодоления лакунарности в процессе перевода антропонимов и окказиональной лексики (на материале произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер» // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. 2016. № 6. С. 80–88.
- Матюшин И.М., Огородов, М.К.* Курс устного перевода: Французский язык. М.: ООО Изд-во «Нестор Академик», 2015. 496 с.
- Мишуров Э.Н.* Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть I) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 2. С. 17–37.
- Мишуров Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть IV) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2014. № 1. С. 14–23.
- Мишуров Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода (часть V) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2014. № 3. С. 24–46.
- Мосеева С.М., Качаева Л.П.* Перевод имён собственных в фантазийной художественной литературе на примере книги Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и принц-полукровка» // Фундаментальные исследования. 2014. № 8 (часть 2). С. 503–508. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34589> (дата обращения: 12.01.2018).
- Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 2. 848 с.
- Салимова Д.А., Тимерханов А.А.* Двужычие и перевод: теория и опыт исследования. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 280 с.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: УРСС Эдиториал, 2007. 257 с.
- Уракова Ф.К., Ирээдуй А.А.* Имя собственное как языковая категория // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № S16. С. 11–15. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14705.htm> (дата обращения. 23.12.2017).
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: ООО «Изд. Дом «Филология Три», 2002. 416 с.
- Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. Сочинения. М.: Правда, 1990. Т. 2. 367 с.
- Цвиллинг М.Я.* Антиномии переводческой дидактики // О переводе и переводчиках. М.: Восточная книга, 2009. С. 201–206.
- Швейцер А.Д.* Перевод: проблемы и перспективы // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1984. Т. 43. № 6. С. 14–20.

- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
- Rowlingová J.K.* Harry Potter a kámen mudrců. Praga: Albatros nakladatelství, 2000. 119 p.
- Shchurik, N.V.* The Translation of Proper Names in Folklore. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2017(10), No. 4, pp. 591–597.

Список источников примеров

- Роулинг Дж.К.* Гарри Поттер и философский камень 2001 / пер. И. Оранского в обработке М. Литвиновой. М.: Росмэн, 398 с.
- Роулинг Дж.К.* Гарри Поттер и философский камень / пер. М. Спивак. М.: Махаон, 2016. 256 с.
- Роулинг Дж. К.* Гарри Поттер и философский камень [Электронный ресурс] / пер. Ю. Мачкасова. – URL: http://lib.ru/TALES/ROWLING/filosof2.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: Januar 20.2017).
- Potter's Army. – URL: <http://www.potters-army.com> (access date: Januar 08.2017).
- Rowling, J.K.* Harry Potter and the philosopher's stone. London: Bloomsbury Publishing Plc, 1997. 223 p.

Vera Ye. Gorshkova,

Dr. Sc. (Philology), professor at the Department of Translation and Translatology, Irkutsk State University, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk, Russia; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

Yekaterina V. Pavlova,

Postgraduate Student at the Department of Translation and Translatology, Irkutsk State University, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk, Russia; e-mail: pavlova.ekal0@yandex.ru

ANTINOMIES OF TRANSLATION: A CASE STUDY OF PROPER NAMES

The article deals with a study of the philosophical notion of antinomy applied to the theory of translation. A retrospective journey into the history of the issue is accompanied by an analysis of a number of antinomies most relevant to translation of proper names such as antinomy of identity and variation, antinomy of fixedness and arbitrariness, antinomy of the source and target language phonetic systems and that of outer form and inner meaning. In the analysis of antinomies of outer form and inner meaning, charactonyms and common names are differentiated. The study is based on four translations of J.K. Rowling's *Harry Potter and the Philosopher's Stone* from English into Russian.

Key words: philosophy, antinomy, contradiction, translation of proper names.

References

- Apressian Yu.D.* Novij bolshoj anglo-russkij slovar' [Great new English-Russian dictionary]. Moscow: Russkij yazik, 2003, 970 p. (in Russian).
- Denissova E.V.* Precedentnije folklornije imena v anglijskom i russkom yazikakh kak problema perevoda [Precedent folk names as a translation problem], E.V. Denissova: candidate's thesis filol. nauk: Februar. 10.04. St. Petersburg. 219 p. (in Russian).
- Egorova S.B.* Pavel Florenskij ob antinomijakh yazika [Language antinomies by Pavel Florenskij]. *Vestn. Sarat. gos. tekhn. un-ta*, 2006. Vol. 4. No. 1, pp. 256–262. (in Russian).
- Ermolovich D.I.* Imena sobstvennije: teorija i praktika mezh'yazikovoj peredachi [Proper names: theory and practice of interlanguage transfer]. Moscow: R. Valent, 2005, 416 p. (in Russian).
- Ermolovitch D.I.* Slovesnaja mekhanika. Izbrannoje o yazike, perevode i culture rechi [Mechanics of words]. Moscow: R. Valent, 2013, 400 p. (in Russian).
- Fedorov A.V.* Osnovi obschej teorii perevoda (lingvisticheskie problemi) [На английском языке]. Moscow: Izd. Dom "Filologija tri", 2002. 416 p. (in Russian).
- Florensky P.A.* U vodorazdeov misli [By the watershed of thought]. Moscow: Pravda, 1990. Tom 2. 367 p. (in Russian).
- Garbovsky N.K.* Sistemologičeskaja model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znanij [Systemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2015. No. 1, pp. 3–20 (in Russian).
- Garbovsky N.K.* Teorija perevoda [Theory of translation], Moscow: Mosk. gos. un-t, 2007. 544 p. (in Russian).
- Gorshkova V.E.* «Da budet im'arek»: «Franzuskij roman» Frederika Begbedera kak vizov perevodchiku [«Да будет имярек»: «A French Novel» by Frederic Beiggbeder as a Translator's Challenge]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2012. No. 3, pp. 3–15 (in Russian).
- Gorshkova V.E. et al.* Kinodialog. Obraz-smisl. Perevod [Film-dialogue. Image-sense. Translation]: koll. Monografija. Pod obsch. red. prof. V.E. Gorshkovej. Irkutsk: MGLU EALI, 367 p. Available at: <http://rucont.ru/efd/326468>
- Gorshkova V.E.* Estetika audiovizual'nogo perevoda Zhana-Fransua Kornju v paradigme sistemnoj transdisciplinarnosti [Aesthetics of Audiovisual Translation by Jean-François Cornu within the Paradigm of Systemic Transdisciplinarity]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2015. No. 3, pp. 22–37 (in Russian).
- Gorshkova V.E.* Audiovisual Translation in the Light of the Main Dialectic Principles, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2016(9). No. 3, pp. 528–535.
- Gruzberg L.A.* Antinomia [Atinomie]. L.A. Gruzberg. *Internet-journal "Filolog"*, Perm. gos. gum.-ped. un-t, 2016. No. 2. Available at: (access date: November 10.2016).
- Ivanov A.O.* Bezekvivalentnaja leksika [Non-equivalent vocabulary]. St. Petersburg: SPbGU, 190 p. (in Russian).

- Ivin A.A. Logika [Science of logic]. Moscow: Isd-vo Oniks, 2008. 336 p.
- Kostikova O.I. Smisl neznachaschikh imen: problemi perevoda [Sense of meaningless names]. *Nauka o perevode segodnja. Perevod i smisl: mat. mejd.* Proceedings of the Conference Title. Moscow: MGU, 2009, pp.141–145 (in Russian).
- Krilova M.N. Antinomii kak dvizhuschaja sila yazika [Antinomies as a language motivation]. *Filologija i literaturovedenije*, 2014, No. 3 (in Russian). Available at: <http://philology.snauka.ru/2014/03/710> (access date: November. 11.2017).
- Krissin L.P. Russkoje slovo, svoje i chuzhoje: issledovanija po sovremennomu russkomu yaziku i sociolingvistike [Russian word, own and alien: studies on modern russian and social linguistics]. Moscow: *Yaziki slav'anskoj kulturi*, 2004. 888 p. (in Russian).
- Krukov A.N. Antinomii v teorii perevoda i ikh razrechenije [Antinomies in the theory of translation and their resolution]. *Yazik. Poetika. Perevod: sb. nauch. tr.* Moscow: Mosk. gos. lingv. un-t, 1996. Ussue 426, pp. 100–111 (in Russian).
- Latishev L.K., Semenov A.L. Perevod: teorija, praktika i metodika prepodavanija [Translation: theory, practice and teaching techniques]. Moscow: ACADEMIA, 2003, 192 p. (in Russian).
- Levchenko M.N., Skrylnik A.V. Osobennosti perevoda avtorskich neologizmov proizvedenija Dj. Rowling “Harry Potter” [The Peculiarities of Translation of the Author’s Neologisms in “Harry Potter and Philosopher’s Stone” by J.K. Rowling]. *Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Ser. Lingvistika*, 2015. No. 2, pp. 65–72 (in Russian).
- Lukin D.S. Osobennosti preodolenija lakunarnosti v processe perevoda antroponimov i okkacional’noj leksiki (na materiale proizvedenija Dj. Rowling “Harry Potter”) [Overcoming Lexical Gaps in Translation of Anthronyms and Occasional Words (in the Novel by J.K. Rowling “Harry Potter”)]. *Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Ser. Lingvistika*, 2016. No. 6, pp. 80–88 (in Russian).
- Matushin I.M., Ogorodov M.K. Kurs ushnogo perevoda: Franzusky yazik [Course of interpretation: french language]. Moscow: OOO Nestor Akademik, 2015. 496 p. (in Russian).
- Mishkurov E.N. Germenevtico-perevodcheskij metodologicheskij standart v zerkale transdisciplinarnosti (chast 1) [Hermeneutical Methodological Standard of Translation in the Mirror of Transdisciplinarity (Part One)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2015. No. 2, pp. 17–37 (in Russian).
- Mishkurov E.N. O “germenevticheskom povorote” v sovremennoj teorii i metodologii perevoda (chast IV) [Hermeneutical Turn in Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part Four)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2014 a. No. 1, pp. 14–23 (in Russian).
- Mishkurov E.N. “Germenevticheskij povorot” v sovremennoj teorii i metodologii perevoda (chast V) [Hermeneutical Turn in Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part Five)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2014. No. 3, pp. 24–46 (in Russian).
- Mosseeva S.M., Kachajeva L.P. Perevod imen sobstvennikh v fantazijnoj khudozhestvennoj literature na primere knigi J.K. Rowling “Harry Potter I prinz-polukrovka” [Proper names translation in fantasy literature drawing on the example of the book by J.K. Rowling “Harry Potter and half-bred

- prince”]. *Fundamental Studies*, 2014. No. 8 (chast 2), pp. 503–508. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34589> (access date: Januar.12.2018) (in Russian).
- Panov M.V.* Trudi po obschemu yazikoznaniju i ruskomu yaziku [Proceedings of linguistics and russian language], pod red. E.A. Zemskoj, S.M. Kuz'min. Moscow: *Yaziki slav'anskoj kulturi*, 2007. Vol. 2. 848 p. (in Russian).
- Rowlingová J.K.* Harry Potter a kámen mudrců. Praga: Albatros nakladatelství, 2000. 119 p.
- Salimova D.A., Timerkhanov A.A.* Dvuyazichije i perevod: teorija i opit issledovanija [Bilingualism and translation: theory and first effort of research]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 280 p. (in Russian).
- Saussure F. de.* Kurs obschej lingvistiky [Course in general linguistics]. Moscow: URSS Editorial, 2012, 280 p. (in Russian).
- Schveitser A.D.* Perevod: problemi i perspektivi [Translation: problems and perspectives]. A.D. Schveitser. *Izv. AN SSSR. Ser. Literaturi i yazika*, 1984. Vol. 43. No. 6, pp.14–20 (in Russian).
- Schveitser A.D.* Teoria perevoda: status, problemi, aspekti [Theory of translation: status, problems, aspects]. A.D. Schveitser, Moscow: Nauka, 1988, 215 p. (in Russian).
- Shchurik N.V.* The Translation of Proper Names in Folklore. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2017(10), No. 4, pp. 591–597.
- Tsvilling M.Ya.* Antinomii perevodcheskoj didaktiki [Antinomies of translation's didactics]. M.Ya. Tsvilling. O perevode i perevodchikakh. Moscow: Vostochnaja kniga, 2009, pp. 201–206 (in Russian).
- Vlakhov S.I.* Neperevodimoje v perevode [Untranslatable phenomena in translation]. Moscow: R. Valent, 2012, 416 p. (in Russian).
- Urakova F.K., Ireduj A.A.* Im'a sobstvennoje kak yazikovaja kategorija [Proper name as a linguistic category]. *Nauchno-metodicheskij elektronnij jurnal "Konzept"*, 2014. No. S16, pp. 11–15. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14705.htm> (access date: Dezember 23.2017) (in Russian).
- Zherebilo T.V.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran': OOO Pilgrim, 2010, 486 p. (in Russian).